

УДК 821.161.1

«ЛАГЕРНАЯ ПРОЗА» В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА: ПОНЯТИЕ, ГРАНИЦЫ, СПЕЦИФИКА

Л. С. Старикова

THE “CAMP PROSE” IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN LITERATURE OF THE 20TH CENTURY: CONCEPT, FRAMEWORK, SPECIFICITY

L. S. Starikova

В статье рассмотрена история формирования представления о лагерной прозе в литературоведении. Дано определение данного понятия и его характеристики, основанные на изучении творчества трех произведений различных писателей: «Воскрешение лиственницы» В. Т. Шаламова, «Зона» С. Д. Довлатова, «Кочевание до смерти» В. Е. Максимова. Лагерная проза – тематическое направление в русском литературном процессе конца 50-х – 90-х гг. XX века, создающее художественный образ лагеря в творческой рефлексии писателей (очевидцев, наблюдателей со стороны, тех, кто не видел вообще или изучал по архивам, воспоминаниям), обладающее следующими чертами: общие тематика и проблематика, связанные с экзистенциальной средой лагеря; автобиографический характер; документальность; историзм; художественное воплощение образа лагеря; особое пространство (замкнутость, остров, ад); особая психология человека, философское осмысление человека в ситуации несвободы; особая авторская рефлексия над текстом.

The paper describes the history of the formation of the ideas about the camp prose in the scientific literature. The definition of this concept and its characteristics are presented, based on the study of three creative works of various writers: «The resurrection of the larch» by V. T. Shalamov, «Zone» by S. D. Dovlatov, «The nomadism to death» by V. E. Maksimov. The camp prose is a thematic direction in the Russian literature during the late 1950s – 1990s XX creating an artistic image of the camp in a creative reflection of writers (witnesses, observers, those who never saw camps but studied the archives, memoirs), with the following features: common themes and issues related to existential camp environment; autobiographical character; documentary; historicism; artistic expression of the image of the camp; special space (isolation, island, hell); special human psychology, philosophical understanding of the human situation in captivity; special author's reflection on the text.

Ключевые слова: лагерная проза, «новая проза», рефлексия, метатекст, В. Шаламов, С. Довлатов, В. Максимов.

Keywords: camp prose, «new prose», reflection, metatext, Varlam Shalamov, Sergey Dovlatov, Vladimir Maimov.

Изучением произведений, принадлежащих к тематическому направлению лагерной прозы, занимаются с конца 1980-х гг. следующие отечественные литературоведы: О. В. Васильева, Е. Волкова, В. Есипов, Л. В. Жаравина, Ю. В. Малова, А. В. Сафронов, И. Сухих и др., однако единого понятия «лагерной прозы» так и не выявлено, поскольку в основном объектом исследований становятся отдельные авторы или произведения, без выхода на направление в целом. Поэтому целью нашей статьи является обобщение различных позиций для обозначения границ и наполнения данной дефиниции, а также выявление специфических черт направления.

В России лагерный опыт нескольких поколений недостаточно осмыслен и не пережит по-настоящему, ему уделяется не так много внимания, как этого хотелось бы некоторым исследователям. По мнению Е. Михайлик (Австралия), «Создается впечатление, что основная аудитория лагерной литературы не желает не только полемизировать, но и вообще сталкиваться со сколь угодно косвенно выраженным утверждением, что общество, частью которого она является, выпало из истории и растеряло остатки социальных связей, а сама она нуждается в этической и социальной эволюции» [16]. В западной культуре истории, философы, филологи обращаются к данной теме намного чаще. «Так, в 90-х гг. XX в. во Франции возникло самостоятельное направление «эстетика исчез-

новения» (а применительно к текстам выживших узников лагерей – «эстетика Лазаря»), призванное не просто проанализировать массив художественных высказываний о лагерях смерти и преступлениях фашизма, но стремящееся осмыслить излом чувственности, который произошёл в середине XX века в Европе, пережившей катастрофу» [1]. В Польше изучают (в том числе и в школе) произведения польской лагерной прозы, например, книгу «Мы были в Освенциме» Тадеуша Боровского, Кристина Ольшевского и Януша Неля Седлецкого, изданную в Мюнхене в 1946 г. Хотя тенденция к забвению прослеживается и в Польше, так как в 2015 г. «Россия не получила официального приглашения на 70-летие освобождения Освенцима от польской стороны: мероприятие сделали не государственным» [24]. Д. А. Ардамацкая отметила важность преодоления запредельного опыта и внутреннюю суть написания лагерной прозы: «свидетельство само по себе является самой важной составляющей рефлексии катастрофического опыта, сопротивляющейся исторической амнезии» [2, с. 257]. Рефлексия и память о пережитом становятся основой для написания произведений, воплощающих запредельный опыт человека в абсурдной реальности.

Остановимся на двух обзорных статьях, посвященных лагерной прозе. В 1989 г. появляется первая обзорная статья И. Сухих. Он рассматривает следующие произведения: «Колымские рассказы» В. Т. Ша-

ламова, «Непридуманное» Л. Разгона, «Черные камни» А. Жигулина, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана. Всех авторов, принадлежащих к данному направлению, исследователь считает последователями метода «новой прозы» В. Т. Шаламова [26], характеризует их как Вергилиев, а сам лагерь как ад, «мертвый дом» [22, с. 194], обозначая тематическую общность и философскую направленность: «Развертывающаяся как безыскусное автобиографическое повествование «новая проза» все время выводит на ключевые вопросы о природе человека и человеческого» [22, с. 197]. Идя вслед за В. Шаламовым, И. Сухих использует термин «новая проза». Исследователь Ю. В. Малова [13] утверждает начало непосредственно термина лагерной прозы в эссе «О прозе» В. Шаламова [26]. В нем писатель пользуется словосочетанием «лагерная тема», затем направление стали именовать лагерной прозой, возможно, в соотнесении с понятием каторжной прозы.

В статье 1996 г. О. В. Васильева делает попытку проследить эволюцию лагерной темы. За точку отсчета темы она берет рассказ А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Далее в ряд она ставит В. Шаламова, который «сознательно отталкивается» от предшественника. Исследователь считает повествования обоих авторов крайне схожими, лишь акцентируя различия угла зрения на лагерный опыт: В. Шаламов берет крайние, запредельные ситуации, а Солженицын – «средне-статистический» лагерь политзаключенных» [5, с. 57]. Следующий этап развития темы – «Верный Руслан» Г. Владимова, где лагерь описан глазами караульной собаки. Данный автор снял противостояние личности и системы, так как «личностное начало индивида оказалось настолько потесненным и подавленным государством, что противостояние «личность – государство» утратило смысл» [5, с. 61]. Затем О. В. Васильева рассматривает повесть С. Довлатова «Зона», которая в современной литературе практически завершила лагерную тему, объединив и смешав все, что было связано с лагерем в реальном и художественном мире, в том числе и позиции своих предшественников [5, с. 62]. В целом можно выявить то общее, что исследователь отмечает у всех писателей: ад и абсурд лагерной реальности. Но также она замечает, что, по сути, данное направление лишь подтвердило тип среднего человека, такого же, как в военной и деревенской прозе.

В работе 2006 г. О. В. Васильева и А. В. Савельева отдельно обращаются к теме лагеря в творчестве М. Кураева (повесть «Ночной дозор», 1988), считают его, вслед за С. Довлатовым, писателем, введшим иронико-комический ракурс представления о человеке советской эпохи, раскрывая облегченным способом трагизм лагерной проблематики. М. Кураев, по их мнению, также отказывается от определения человека через понятия «плохо» и «хорошо», показывает его многоплановость: он «создал модель многополярного космосоциума, когда восприятие, оценка, осознание какого-либо явления зависит от множества причин: точки зрения, остроты зрения, убеждений воспринимающего, его желания, его умения и даже – времени суток» [6, с. 24].

Н. В. Ганущак, изучая творчество В. Т. Шаламова, обозначает поэтику лагерной прозы как глобальную, всечеловеческую тему: «Писатель рассматривает лагерь как своего рода модель человеческой жизни, когда ее вековые коллизии и противоречия доведены и обострены до крайнего предела» [7].

Ю. В. Малова рассматривает лагерную прозу как продолжение традиции «каторжной прозы» XIX века, особо опираясь на мотивы «Мертвого дома» Ф. М. Достоевского: «Произведения о лагерях XX в. перекликаются с XIX-м в изображении каторги (лагеря, ссылки, тюрьмы) как «Мертвого дома», земного ада. Эхом отзывается мысль о мироподобии лагеря (каторги, ссылки), слепка «вольной» жизни России» [13]. Выделяет историзм данного направления.

Преимуществом традиций лагерной прозы от каторжной рассматривает и исследователь А. Ю. Минералов на примере отражения «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского и «Острова Сахалин» А. П. Чехова в произведениях XX века [14].

И. В. Некрасова, обобщая опыт исследователей в монографии 2003 г., в частности мнение Д. Лекуха [11], описывает два направления лагерной прозы XX в. А. И. Солженицын считается родоначальником «реально-исторического» направления, начало второму, «экзистенциальному», направлению положил В. Т. Шаламов. Оно отличается «авторским стремлением исследовать «человека в предельной ситуации» [18, с. 35]. После Шаламова, по мнению исследователя, направление продолжил С. Довлатов. «Реально-историческое ищет вину во внешнем: в большевизме, в попрании Бога, в искажении сущности человека – в чем угодно, только не в себе самом. Направление экзистенциально находит в себе мужество для признания: зло есть порождение именно человека, оно является одной из составляющих его природы» [цит. по: 18, с. 36]. Так Д. Лекух противопоставляет два направления через определение человека и его воли принимать ответственность за происходящее с ним.

Творчество В. Шаламова и его «новую прозу» И. В. Некрасова считает основой «экзистенциального» направления. Под «новой прозой» сам писатель понимал специфический новый метод претворения в художественной форме осмысления жизненного опыта, по выражению Н. Е. Таркана, это «Документальность, сопряженная с психологизмом, – одна из примечательных характеристик шаламовских рассказов, которые он называл «новой» прозой» [23, с. 322].

М. Михеев ключевым моментом «новой прозы» называет предложенное им понятие *анти-катарсис*. «Прием состоит в очевидном перенесении себя читателем – на место убитого, вернее, на место неназванного «я», наблюдавшего за этим убийством... Автор сознательно воздействует на чувства читателя, принуждая его пережить за «я» облегчение – но в то же самое время и укоры совести. То есть *анти-катарсис* – это еще более отягощенное переживание вместо облегчения, или новые беспокойство, тревога, сомнение – сопутствующие локальному облегчению» [17]. Мы можем найти примеры *анти-катарсиса* и в рассматриваемых нами произведениях. В цикле «Воскрешение лиственницы» В. Т. Шаламова ярким примером является рассказ «Тишина», где рассказчик рад тишине,

которая наступила после самоубийства надоедливой сектанта, певшего псалмы и гимны. Он не переживает момент смерти, она и так обыденна для героев лагерной прозы [9], он думает о насущном: теперь ему надо искать нового напарника. В «Кочевании до смерти» В. Максимова один из героев убивает человека, чтобы отыграться в карты. И для всех это – нормальное событие, лагерное убийство даже стало поводом для надежды «склеить» групповое дело и получить награду оперу Ждану.

А. В. Сафронов в статье 2013 г. рассматривает с интересной точки зрения ряд писателей лагерной прозы (И. М. Губерман, Д. Ю. Шевченко, Э. В. Лимонов), отталкиваясь от «Архипелага ГУЛАГ» А. Солженицына. Исследователь выявляет черты жанра путешествия, унаследованные лагерной прозой, начиная свой ряд от «каторжной» литературы, в частности «Острова Сахалин» А. П. Чехова:

«1) «Дорога», «путь», «маршрут» в роли композиционной доминанты – героям «лагерной прозы» в прямом смысле предстоит совершить «путешествие»: кому в Сибирь, кому на Дальний Восток, кому на Соловецкие острова...

2) Восприятие тюрьмы, лагеря как особого мира, самостоятельного государства, «неведомой страны»...

3) Повествование «о туземцах» (заключенных): история, иерархия общества «туземцев», галерея тюремных и лагерных типов, исследование причин преступлений; отношения между «блатными» и «политическими», эстетика и жизненная философия; язык, фольклор» [20].

Годом ранее этим же исследователем издано учебное пособие, где отдельная глава посвящена лагерной прозе 2-й половины XX в. В данном пособии есть определение направления: «Под «лагерной прозой» мы понимаем тематическое ответвление (течение) русской художественно-документальной прозы, возникшее в «хрущевскую оттепель», воспринявшее традиции «каторжной прозы» XIX в., ... опирающееся на традиции «этнографического реализма» и жанра путешествия. По отношению к произведениям этих авторов возможно также употребление термина «очерк – преступление». «Лагерная проза» представлена в жанрах мемуаров, дневников, записок, воспоминаний, автобиографий» [19, с. 49]. Акцент сделан именно на традиции жанра путешествия и очерковости, с чем мы не можем согласиться, так как в первую очередь лагерная проза – это художественные произведения. Например, В. Шаламов утверждал, что его рассказы не имеют ничего общего с очерком: «К очерку никакого отношения проза «КР» не имеет. Очерковые куски там вкраплены для вящей славы документа, но только кое-где всякий раз датировано, рассчитано. – Живая жизнь заводится на бумагу совсем другими способами, чем в очерке. В «КР» отсутствуют описания, отсутствует цифровой материал, выводы, публицистика. В «КР» дело в изображении новых психологических закономерностей, в художественном исследовании страшной темы, а не в форме «информации», не в сборе фактов. Хотя, разумеется, любой факт в «КР» неопровержим» [26, с. 147].

Обобщим ключевые моменты, обозначенные исследователями, которые характеризуют направление

лагерной прозы и которые также находят отражение в произведениях, взятых нами для анализа.

1. Пространство лагеря как ада, «мертвого дома», абсурд лагерной реальности (О. В. Васильева, Ю. В. Малова, А. Ю. Минералов, Е. Михайлик, И. Сухих).

2. Новое о человеке и его поведении (Н. В. Ганущак, Е. Михайлик, И. В. Некрасова, И. Сухих, Н. Е. Таркан).

3. Отражение принципов «новой прозы», выведенных В. Т. Шаламовым (И. В. Некрасова, И. Сухих, Н. Е. Таркан).

4. Автобиографизм (Е. Михайлик, А. В. Сафронов, И. Сухих).

5. Документальность, историзм (Ю. В. Малова, А. В. Сафронов, Н. Е. Таркан).

6. Авторская рефлексия (Д. А. Ардамацкая).

7. Лагерь как особый мир, остров (А. В. Сафронов).

Не все указанные пункты имеют достаточную развернутость, например, многие исследователи упоминают о поведении человека в лагерной реальности, но не уточняют характерных черт, проявляющихся у него в лагере. Лишь О. В. Васильева конкретно утверждает, что в произведениях лагерной прозы показан тип среднего человека, с чем мы не можем согласиться, так как в различных произведениях человек показывает разные свои грани. А в «Воскрешении лиственницы» главный герой, вырвавшийся из ада, пишущий стихи, не может считаться нами среднестатистическим человеком. Также особый интерес для нас представляет развернуть рефлексивный характер лагерной прозы, что отражается в метатекстовой структуре взятых нами произведений. Обращаясь к следующим произведениям лагерной прозы: «Воскрешение лиственницы» (1965 – 1967) В. Шаламова, «Зона» (1964 – 1989) С. Довлатова и «Кочевание до смерти» (1994) В. Максимова, – мы выделяем художественный образ зоны, воплощаемый писателями с разным лагерным опытом. Они написаны в разное время, относятся к разным литературным направлениям, лагерный опыт показан с различных точек зрения и в разном объеме, но все они принадлежат к тематическому направлению лагерной прозы с характерными для нее признаками.

На основе данных произведений хотелось бы подробнее рассмотреть общие моменты: особое пространство лагеря, человека в ситуации несвободы, рефлексивный характер повествования.

Лагерь – это другой, отдельный мир, остров. Несмотря на то, что географически Колыма – полуостров и примыкает к континенту, в художественном мире лагерной прозы она становится островом, отделенным от материка. Особенно ярко это проявляется в произведениях В. Шаламова, что отмечают и некоторые исследователи, например, Н. Л. Лейдерман: «Концлагерь, заместивший собою всю страну, страна, обращенная в огромный архипелаг» [10, с. 145]; М. Бруер: «Она также часто называется «островом», а остальное пространство «материком» или «большой землей». Там, на материке, живут «наверху», а по аналогии, Колыма находится на самом дне, «в аду» [4]. В рассказе «За письмом» главный герой едет за

письмом, посланным ему впервые за 15 лет. До письма он добирается в течение нескольких дней, проезжает 500 км, продает попутно почти все ценные вещи. И этот сложный путь герой проделывает даже не на свободу, потом ему опять придется возвращаться обратно. В рассказе «Борис Южанин» автор поясняет, что «...центральные части России на Колыме зовут «материком», хотя Колыма не остров, а область на Чукотском полуострове, – но сахалинский лексикон, отправка только пароходами, многодневный морской путь – все это создает иллюзию острова. Психологически иллюзии нет никакой. Колыма – это остров. С нее возвращаются на «материк», на «Большую землю». И материк, и Большая земля – это словарь повседневности: журнальный, газетный, книжный» [25, с. 252].

Образ лагеря в указанных произведениях описан как ад на земле, что подтверждали уже некоторые исследователи [4; 7; 10; 15; 16], где абсурд становится нормой существования, а смерть переходит из экзистенциального понятия в сферу обыденного. Сам С. Д. Довлатов, анализируя своих предшественников и их восприятие лагеря, пишет ставшую хрестоматийной фразу: «По Солженицыну, лагерь – это ад. Я же думаю, что ад – это мы сами...» [8, с. 8]. Но в этом случае, несмотря на постмодернистский характер «Зоны», смех и игру Довлатова, его концепция даже более удручающая: если ад – это мы, люди, все, тогда ад – не просто лагерь, ад – это весь мир, к тому же враждебный: «По обе стороны запретки расстилался единый и бездушный мир» [8, с. 53]. «Мир, в который я попал, был ужасен» [8, с. 18], – не раз подчеркивает герой «Зоны». Лагерь – это система, действующая не только в рамках конкретной зоны, но и в пределах страны, и всего мира.

Характерным в этом отношении также становится опыт героя романа В. Максимова «Кочевание до смерти», которому все порядки мира во все времена видятся лишь вариантами лагерной системы, в которых сменяются надзиратели и заключенные. Весь мир описан как ловушка для человека, мощь природы и вселенной довлеет над ним, даже «освященный лагерь» выглядит «словно игрушечный макет, наспех собранный случайной рукой» [12, с. 609]. В итоге для героя мир – «огромная мышеловка» [12, с. 725], которая захлопывается, а единственным выходом из нее является смерть (для героя – самоубийство).

В данном пространстве прослеживается особая психология человека, оказавшегося в пограничье, пытающегося разобраться в себе. Ключевым становится философское осмысление человека в ситуации несвободы. В. Шаламов в своем эссе «О прозе» пишет, что в его рассказах «показаны новые психологические закономерности, новое в поведении человека, низведенного до уровня животного – впрочем животных делают из лучшего материала и ни одно животное не переносит тех мук, какие перенес человек. Новое в поведении человека, новое – несмотря на огромную литературу о тюрьмах и заключении» [26, с. 147 – 148]. В рассказе «Термометр Гришки Логуна» В. Шаламов подчеркивает, что власть – главный критерий растрепания человеческой души: «Власть – это растрепание. Спущенный с цепи зверь, скрытый в душе

человека, ищет жадного удовлетворения своей извечной человеческой сути в побоях, в убийствах» [25, с. 125]. Еще одним примером служит рассказ «Белка», где толпа людей убивает зверька просто так, по животной природе человека, жаждущего убийства.

По С. Довлатову «Зло определяется конъюнктурой, спросом, функцией его носителя. Кроме того, фактором случайности. Неудачным стечением обстоятельств. И даже – плохим эстетическим вкусом» [8, с. 85]; «Человек неузнаваемо меняется под воздействием обстоятельств. И в лагере – особенно» [8, с. 46]. Ситуация владеет выбором человека, а зло существует в нем всегда, как и добро. Характерным примером двойственности в «Зоне» можно считать ситуацию с одним из персонажей – вохровцем Егоровым, жена которого не могла спать из-за лая сторожевой лагерной собаки. И он просто застрелил пса. Фактически он совершил убийство, руководствуясь благой целью. А сам главный герой проходит сложный путь в ходе своей службы в блатном лагере: от интеллигента с наивной книжной ментальностью, проникнутой романтическими мотивами, до ранее невиданного для него падения (его встреча с проституткой). В последней новелле он сам оказывается под конвоем, становясь заключенным.

И. Сухих в монографии, посвященной творчеству С. Довлатова, анализируя представление о человеке в «Зоне», говорит и о предыдущей традиции: «Солженицын абсолютно уверен, что человек, сохранивший в душе Бога, вынесет любые муки, преодолет, победит... Человека можно убить, но нельзя сломать» [21, с. 98]. По В. Шаламову, если «человек все-таки что-то сохранил в себе, значит, его просто мало били. Просветительское «среда заела» трансформируется у Шаламова в абсолютную, рабскую зависимость человека от тоталитарного целого. Потому шаламовские рассказы – это «записки с того света» человека, который так и не вырвался, не вернулся из ада» [21, с. 98]. Так, позиция С. Довлатова оказывается некоторым образом между двумя крайностями, а «Человек человеку... как бы это получше выразиться – табула раса. Иначе говоря – все, что угодно» [8, с. 86].

Из трех рассматриваемых нами писателей самый суровый приговор человеку выносит В. Максимов, показывая человека по сути слабым, беспомощным в мире-мышеловке. Он идет дальше, с одной стороны, и оказывается в чем-то схож с С. Довлатовым в моменте определения сущности человека в зависимости от обстоятельств, в другой же – солидарен с В. Шаламовым в бессильности культуры (цивилизации), утрата которой обнажает все низменное в человеке. Один из героев (доктор в лагере) уверен: «Голодные люди все одинаковы, культура наша, дорогой друг, это так, легкий грим на обыкновенной обезьяне, не выдерживает первого же серьезного испытания вроде снега или дождя» [12, с. 580].

Трех писателей также объединяет мотив творчества, в котором отражается рефлексия над своей жизнью и историей страны. Они интерпретируют не только тексты, но и реальность, осмысляя и переживая ее художественными образами, что позволяет нам рассматривать данные произведения на метатекстовом уровне.

Во-первых, все главные герои взятых нами произведений – писатели. Герой В. Шаламова пишет стихи и является отражением автора-Шаламова. Он – поэт, стихи становятся его спасением, уходом от ада реальности.

Структура «Зоны» изначально имеет метатекстовый характер: герой-писатель собирает свои же старые новеллы в единое целое, и текст создается как бы на наших глазах. Его герой рефлексировал не только над прошлым, но и в процессе жизни, что отражается иногда в его взгляде на себя со стороны третьего лица: «Когда меня избивали около Ропчинской лесобиржи, сознание действовало почти невозмутимо: «Человека избивают сапогами. Он прикрывает ребра и живот. Он пассивен и старается не возбуждать ярость масс... Какие, однако, гнусные физиономии! У этого татарина видны свинцовые пломбы...». Кругом происходили жуткие вещи» [8, с. 26 – 27].

В «Кочевании до смерти» В. Максимова герой не только рефлексировал над собственной жизнью, но является и автором исторического романа о своем отце и об истории России. Сама структура демонстрирует прием «текст в тексте». А. В. Баклыков определяет жанр «Кочевания до смерти» как «филологический роман»: «Наличие многочисленных лирических отступлений в романе «Кочевание до смерти» и использование приема «роман в романе», который якобы пишет главный герой, позволяет говорить о важности темы творчества, психологии творческого процесса, что дает возможность определить жанровую разновидность произведения как «филологический роман» [3].

Во-вторых, все три произведения построены как описание прошлого через настоящее, что диктует рефлексивность авторского повествования. «Воскрешение лиственницы» начинается рассказом «Тропа», где события отражают последние годы заключения самого В. Шаламова в лагере, и уже от этой точки он рассматривает путь от самого начала приезда в лагерь (рассказ «Причал ада»). У С. Довлатова сама структура построения представлена в виде писем к издателю с приложением новелл об опыте надзирателя в лагере. У В. Максимова роман построен как последовательность смены описания событий настоящего и прошлого, перемежающаяся вставками «романа в романе» самого героя, который пишет свой роман на глазах читателя, а также комментирует его.

В-третьих, творчество становится определяющим вектором для героев произведений «лагерной прозы», а также и для самих писателей, переживающих лагерный период своей жизни с помощью воплощения его на бумагу. В «Воскрешении лиственницы» только люди творческие, создающие нечто новое, оказываются способны сопротивляться разрушению. Для Сергея Довлатова лагерный опыт стал одним из толчков для начала писательской судьбы, и его герой через творчество переоценивает свои жизненные устои. Для героя романа «Кочевание до смерти» творчество является профессией, оно помогает ему какое-то время держать себя, но в итоге герой все равно выбирает смерть.

Укажем, возможно, неполный список писателей, произведения которых входят в круг лагерной прозы: Г. Владимов, О. Волков, Е. Гинзбург, В. Гроссман, С. Д. Довлатов, А. Жигулин, В. Кресс, М. Кураев, В. Е. Максимов, Л. Разгон, А. Синявский, А. И. Солженицын, В. Т. Шаламов.

На основе анализа исследований, посвященных лагерной прозе, и произведений, взятых нами в качестве примера («Воскрешение лиственницы» В. Шаламова, «Зона» С. Довлатова и «Кочевание до смерти» В. Максимова), а также сопоставления полученных выводов, попробуем дать определение понятия «лагерная проза».

Итак, лагерная проза – тематическое направление, проявившееся в развитии русского литературного процесса конца 50-х – 90-х гг. XX в., создающее художественный образ лагеря в творческой рефлексии писателей (очевидцев, наблюдателей со стороны, тех, кто не видел вообще или изучал по архивам, воспоминаниям), с характерными чертами, присущими ему.

1. Общая тематика и проблематика: тюрьма, зона/лагерь, система ГУЛАГа в целом, несвобода, экзистенциальные мотивы, восприятие смерти и жизни, материального и духовного.

2. Автобиографический характер повествования, что обусловлено личным опытом писателей.

3. Документальность и связь с историей (лагеря существовали и развивались в определенный исторический период), но документальность в большей степени поэтическая, художественно воплощенный документ о человеке и его ощущениях.

4. Конкретность описаний, бытовое восприятие действительности (как следствие документальности).

5. Художественный образ лагеря, воссоздаваемый в индивидуально-авторских картинах мира.

6. Особое пространство: лагерь как остров, отделенный от материка, Москвы и свободной жизни; образ зоны как ада, «мертвого дома»; образ лагеря как недолжного бытия с перевернутыми ценностными представлениями.

7. Особая психология человека, оказавшегося в пограничье, пытающегося разобраться в «новом» миропорядке и сохранить индивидуальные черты, собственные границы; философское осмысление человека в ситуации несвободы.

8. Особая авторская рефлексия над текстом, основанная на собственном опыте, отражающая психологические и нравственные изменения человеческой души после испытания адом лагерного быта.

Хотелось бы отметить, что мы не претендуем на однозначность приведенных нами характеристик, так как наш материал не заполняет всего направления лагерной прозы, но многие черты находят отражение в произведениях и других авторов, не рассмотренных нами.

Литература

1. Ардамацкая Д. А. Варлам Шаламов и поэтика после ГУЛАГа // Вестник Ленинградского университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 2. № 2. С. 137 – 143.
2. Ардамацкая Д. А. Философия «после ГУЛАГа»: осмысление исторической катастрофы // *Studia Culturae*. 2013. № 16. С. 256 – 264.
3. Баклыков А. В. Жанровое своеобразие романа Владимира Максимова «Кочевание до смерти»: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Тамбов, 2000.
4. Бруер М. Изображение пространства и времени в лагерной литературе: «Один день Ивана Денисовича» и «Колымские рассказы» // Шаламовский сборник. М., 2011. Вып. 4. С. 143 – 151.
5. Васильева О. В. Эволюция лагерной темы и ее влияние на русскую литературу 50 – 80-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1996. Сер. 2. Вып. 4 (№ 23). С. 54 – 63.
6. Васильева О. В., Савельева А. В. Тема лагеря в прозе Михаила Кураева. СПб., 2006. 43 с.
7. Ганущак Н. В. Творчество Варлама Шаламова как художественная система: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2003. 26 с.
8. Довлатов С. Зона: (Записки надзирателя) // Довлатов С. Собрание сочинений: в 4 т.; сост. А. Ю. Арьев. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. Т. 2. С. 5 – 196.
9. Зайцева А. Р. Метафизика смерти в прозе Варлама Шаламова // Вестник Башкирского университета. 2005. Т. 10. № 2. С. 67 – 71.
10. Лейдерман Н. Л. «В метельный ледяной век» (В. Шаламов. «Колымские рассказы») // Лейдерман Н. Л. Постреализм: теоретический очерк. Екатеринбург, 2005. С. 139 – 174.
11. Лекух Д. «Ад – это мы сами...» // Литературная газета. 1991. 11 янв.
12. Максимов В. Е. Кочевание до смерти // Максимов В. Е. Избранное. М., 1994. С. 523 – 735.
13. Малова Ю. В. Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX – XX вв.: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Саранск, 2003.
14. Минералов А. Ю. «Каторжно-лагерная» сюжетно-образная традиция в русской прозе XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 18. С. 106 – 112.
15. Михайлик Е. В контексте литературы и истории // Шаламовский сборник. Вологда: Грифон, 1997. Вып. 2. С. 105 – 129.
16. Михайлик Е. Не отражается и не отбрасывает тени: «закрытое» общество и лагерная литература // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 356 – 375.
17. Михеев М. О «новой» прозе Варлама Шаламова // Вопросы литературы. М., 2011. Вып. 4. С. 183 – 214.
18. Некрасова И. В. Судьба и творчество Варлама Шаламова: монография. Самара: Изд-во СГПУ, 2003. 204 с.
19. Сафронов А. В. Жанровое своеобразие русской художественной документалистики (очерк, мемуары, «лагерная» проза): учебно-методическое пособие; Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина. Рязань, 2012. С. 49 – 86.
20. Сафронов А. В. После «Архипелага» (поэтика лагерной прозы конца XX века) // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2013. № 3 (40). С. 139 – 154.
21. Сухих И. Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб.: Азбука, 2010. 288 с.
22. Сухих И. Эта тема пришла... // Звезда. 1989. № 3. С. 193 – 200.
23. Таркан Н. Е. Особенности поэтики «Колымских рассказов» В. Шаламова // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы X междунар. науч.-практ. конф. 22 мая 2008 г. Уссурийск, 2008. С. 322 – 326.
24. Темнова А. Лагерная проза: специальный репортаж. Эфир от 18.01.15. Режим доступа: <http://www.vesti.ru/videos/show/vid/633010/>
25. Шаламов В. Т. Воскрешение лиственницы // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7, доп. Т. 2: Очерки преступного мира; Воскрешение лиственницы; Перчатка, или КР-2; Анна Ивановна: Пьеса / сост. подгот. текста, прим. И. Сиротинской. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. С. 105 – 280.
26. Шаламов В. Т. О прозе // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7, доп. Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954 – 1979 гг. / сост. подгот. текста, прим. И. Сиротинской. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. С. 144 – 157.

Информация об авторе:

Старикова Людмила Семеновна – соискатель кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета, lyudvig.star@yandex.ru.

Lyudmila S. Starikova – post-graduate student at the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University.

(Научный руководитель: Ащеулова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ.

Research advisor: Irina V. Ashcheulova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 16.04.2015 г.